

ЭКОНОМИКА И ЭТИКА: ИСТОРИЯ НЕПРОСТЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

**Станислав
ИВАШКОВСКИЙ**

кандидат экономических наук,
профессор кафедры институциональной
и управленческой экономики РАНХиГС
при Президенте РФ,
заведующий кафедрой экономической
теории МГИМО(У) МИД России

Оικονομία • Πολιτική

ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ • POLITIKH

1. Об актуальности этического подхода к экономике

Аристотель давным-давно заметил, что человек не может судить об этических вопросах, пока ему не исполнилось пятьдесят. Поскольку я некоторое время тому назад этот рубеж перешагнул, то могу позволить себе поразмышлять на эту «запретную» для более молодых тему, увязав ее с экономикой. К этому меня побудил тот интерес к исследованию этико-экономической проблематики, определению влияния этических и культурных факторов на развитие экономик различных стран и регионов, который явно обозначился в современной мировой экономической науке. Появилось немало публикаций работ иностранных и российских авторов, посвященных гуманитарным основаниям экономической теории и политики, а также проблемам социального капитала, деловой этики и кросскультурного менеджмента¹. Вот и журнал «Экономическая политика» в двух последних номерах публикует статью нобелевского лауреата Дж. Стиглица, в которой исследуется влияние некоторых широко распро-

¹ См.: Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество / Пер. с нем. СПб.: Экономическая школа, 1996; Козловски П. Принципы этической экономики / Пер. с нем. СПб.: Экономическая школа, 1999; Рих А. Хозяйственная этика / Пер. с нем. М.: Посев, 1996; Сэн А. Об этике и экономике / Пер. с англ. М.: Наука, 1996; Бриттан С. Капитализм с человеческим лицом. СПб.: Экономическая школа, 1998; Де Джордж Р.Т. Деловая этика: в 2-х т. / Пер. с англ. М.: Прогресс, 2001; Мясоедов С.П. Основы кросскультурного менеджмента. М.: Дело, 2003; Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей // Ясин Е.Г. Модернизация России: доклады для 10 конференций. М.: ГУ—ВШЭ, 2009.

страненных этических принципов на сложившийся в последние десятилетия международный экономический и социальный порядок².

Этот запоздалый «культурно-этический ренессанс» объясняется тем, что проблемы морали все настойчивее стучатся в дверь, ведущую в реальную жизнь практически всех государств современного мира — больших и малых, богатых и бедных, приверженных разным духовным идеалам и культурным ценностям. Экономисты не могут стоять в стороне от этих проблем, поскольку их наука — это прежде всего отрасль социальных знаний, а потому этический взгляд на свободный рынок и его социальные аспекты должен стать органичной частью предмета экономической теории. Однако на протяжении последних десятилетий в экономическом анализе наблюдалась прямо противоположная тенденция — отрыв экономики от этики, стремительная математизация экономической теории, следствием чего стало игнорирование ею множества сложных морально-этических соображений, влияющих на реальное поведение людей и на выработку адекватной социально-экономической политики. Увлечшись чисто техническим подходом и количественным анализом, ученые словно забыли, что экономическая теория имеет дело не с машинами и механизмами, а с живыми людьми, обитающими в обществе; что общество налагает на каждого человека огромные обязательства и требует таких установок, которые способствовали бы его поступательному развитию, но которых экономика сама по себе дать не может.

Среди сил, формирующих такие установки, нравственность является первой и главной. Она — важнейшее условие нашего движения вперед, гармоничного развития личности и общества. Хотим мы того или нет, придется признать, что в сегодняшней России решение многих социально-экономических, производственных и чисто бытовых проблем лежит не в политической плоскости, а в сфере нравственности и морали. Низкая трудовая дисциплина, некачественный труд, лояльное отношение к коррупции и обману, страх нового, равнодушие к поиску истины, правовой нигилизм, «нездоровый образ жизни» (Д. Медведев) — не с неба на нас свалились, а выросли на почве определенных этических установок и культурных ценностей, формировавшихся в нашем обществе на протяжении долгого времени. Изменить их — задача всех общественных институтов: государства, вузов, школы, церкви, СМИ, но прежде всего семьи. Как говорил Иосиф Бродский, «совести и порядочности учат родители, а значит, законы нравственности всегда пахнут отцовским ремнем»³. Именно родители в первую очередь призваны прививать своим детям любовь к труду, ответственность, доверие и уважительное отношение к окружающим, эстетические вкусы и наклонности, памятуя, что все эти «паттерны» — важнейшие культурные категории, те нематериальные активы, без которых построить здоровое современное общество невозможно.

Сопряженность экономической теории с философией морали будет полезной и для самой этики. Ведь экономика, если вспомнить высказывание мудрого Бернарда Шоу, «это наука о том, как пользоваться жизнью наилучшим образом», поэтому такой союз способен обогатить и «осовременить» этику, наполнить ее рациональным экономическим смыслом, придать ей реальную социальную направленность, а значит — помочь этике продуктивнее ответить на сократовский вопрос: «Как надо жить?» Ответ на этот вопрос не очевиден.

² Стиглиц Дж.Ю. Этика, экономические советы и экономическая политика // Экономическая политика. 2011. № 2—3.

³ Бродский И. Большая книга интервью / Под ред. И. Захарова, В. Полухиной. М.: Захаров, 2000. С. 197.

Ведь моральные ценности, этическое мышление — не данность на века, они могут и должны меняться, если общество хочет развиваться. Адекватность ценностей своему времени, их активное взаимодействие с экономической и политической системами, соответствие задачам и устремлениям, которые ставят перед собой люди, — центральная проблема этики⁴.

В предлагаемой статье предпринята попытка проследить процесс этических исканий разных эпох и показать, как господствовавшие моральные ценности влияли на повседневную жизнь людей и экономику своего времени, и почему только этическая система («дух») капитализма впервые в истории оказалась созвучна природе человека, способствовала такому прогрессу производительных сил и всех жизненных стандартов, которые оказались не под силу другим системам как прошлого, так и настоящего. Это признавали и признают даже самые решительные критики капитализма. Более 150 лет тому назад К. Маркс и Ф. Энгельс писали:

«Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение новых территорий под земельные угодья, приспособление рек для судоходства, многочисленные, словно откуда-то вызванные, массы населения, — какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!»⁵

Из приведенных слов видно, что основная причина грандиозных свершений капитализма — это «силы, дремлющие в недрах общественного труда». Почему же «дремали» эти силы и что, в конечном счете, способствовало их высвобождению и продуктивной реализации, движению общества по пути процветания и более справедливого распределения создаваемого в нем богатства? Объективный исследователь согласится, что это был, прежде всего результат соответствующих идей и этического мышления, становление которых шло долгим и тернистым путем. Проследим важнейшие этапы этого пути и посмотрим, как формировалась эта система ценностей, оказавшая столь революционное воздействие на все стороны жизни европейских народов.

2. Что общего и в чем различие между экономикой и этикой?

Вопрос о соотношении экономики и этики на протяжении многих веков привлекал к себе внимание многих философов, социологов, экономистов, а также представителей различных религиозных конфессий. Сами эти отношения складывались по-разному: были периоды, когда экономика и этика то сливались в одно неразрывное целое (экономика была частью этики), то расходились в разные стороны, испытывая чувства вражды и неприязни друг к другу. Их отношения и сегодня остаются не вполне прозрачными, а потому дискуссионными. Нет единства в понимании главного вопроса: может ли

⁴ Видный швейцарский социолог и богослов Артур Рих писал, что для этики «этическое не есть раз и навсегда данное, к чему можно конформистски приспособиться, а внутренняя потребность постоянно искать лучшее и более справедливое без оглядки на общепринятые традиции и право. В этом настойчивом, лишаящем внутреннего покоя поиске и заключается основной вопрос этики, вопрос, который деятельный и тонко чувствующий человек никогда не сможет обойти, как бы он ни стремился от него отгородиться по соображениям морали или аморальности»; Рих А. Хозяйственная этика. С. 30.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Избранные сочинения: в 9-ти т. М.: Политиздат, 1985. Т. 3. С. 146.

экономика, в которой господствует частный интерес и которая направляется «невидимой рукой» конкуренции, быть моральной, ориентироваться на реализацию этических ценностей?

Из истории известно, что экономика как наука конституировалась значительно позже этики. Предмет экономики также формировался достаточно долго: от Адама Смита и до начала XX века господствовало «материалистическое» определение экономической теории как науки о «природе и причинах» материального богатства⁶, или (в марксистской интерпретации) об отношениях людей в процессе производства, распределения, обмена и потребления *материальных* благ. В результате общепризнанным стал вывод о том, что экономика исследует «человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление»⁷. Изучая человеческое поведение, экономисты исходят из предположения, что оно основывается на «рациональном эгоизме»: это поведение «человека экономического», душой и сердцем которого является собственное «Я», его *личный интерес*⁸. Наряду с этим экономическая теория показывает, что в обществе, основанном на разделении труда, люди, стремясь *только* к собственной выгоде, *непреднамеренно* направляются «невидимой рукой» к более высокой цели — росту *общего* благосостояния.

Предметная область этики (греч. *ethika*, *ethos* — обычай, нрав, характер) иная — это учение о природе морали и моральной оценки поступков (поведения) людей. Она занимается изучением вопросов о том, что является добром и злом, добродетелью и пороком, правильным и неправильным в поведении человека. Нормы морального поведения необходимы обществу для согласования ценностей и интересов людей и эффективного налаживания их совместной жизни, поддержания *желаемого* общественного порядка и гармонии в социуме. Очевидно, что эти нормы не могут быть раз и навсегда данными, они претерпевают изменения по мере развития общества и под влиянием различных факторов (религии, повышения образовательного уровня населения, научного прогресса, социально-экономических и политических факторов и т. д.).

Как видим, сферы интересов этих социальных дисциплин разные. Вместе с тем обе они — «поведенческие» дисциплины, поскольку предполагают, что в мириадах жизненных ситуаций человек неизбежно сталкивается с проблемой *выбора*. Экономика показывает, что, принимая экономические решения, человек встает на тропу *эгоцентрического интереса*, ориентируется исключительно на максимизацию *своей* целевой функции (полезности, прибыли,

⁶ В принципе, такое понимание предмета относится и к досмитовскому периоду развития экономической мысли, начинающемуся с античности, когда *самостоятельной* экономической науки еще не существовало.

⁷ Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 18.

⁸ Рациональный личный интерес — это вовсе не «вульгарный», грубый эгоизм. Поведение под влиянием «рационального эгоизма» означает такое поведение, которое направлено на максимизацию собственного чувства удовлетворения, каким бы образом это ни происходило (поиск работы с более высокой заработной платой, стремление к большей прибыли, предоставление денег на благотворительные цели, оплата обучения детей родителями и т. п.). Неслучайно в эгоистическом поведении индивида выделяется три степени эгоизма. Самой слабой формой эгоизма, означающей по сути его отсутствие, является *послушание*. Полусильной формой считается *простое следование личным интересам*. Высшая форма эгоизма — *оппортунизм*: «эгоистическое поведение, не сдерживаемое соображениями морального порядка», «преследование личного интереса с использованием коварства», включающее его явные формы (ложь, воровство, мошенничество и т. д.), а также более тонкие формы обмана, которые могут быть активными и пассивными, проявляться *ex ante* и *ex post* (подробнее см.: Уильямсон О. Экономические институты капитализма: фирма, рынки, «отношенческая контрактация». СПб.: Лениздат, 1996. С. 97).

заработной платы). Этика же учит человека *уважению к ближнему*, напоминает ему, что, кроме него, в этом мире есть и другие люди, по отношению к которым он должен проявлять «симпатию», «чувство сострадания», ставить себя на их место. Как пишет видный российский философ В. Канке, этика стремится найти ответы на «последние вопросы, в которых смысл человеческого бытия представлен в наиболее рафинированном виде»⁹. Следовательно, этика как наука о «правильном» поведении на вопрос выбора отвечает иначе: что *должен* делать человек, если перед ним встает дилемма между добром и злом? Она учит его оценивать всякую ситуацию таким образом, чтобы осуществляемый им поступок был не только экономически рациональным, но и нравственно эффективным. Дж. Мур, родоначальник аналитической этики, писал, что «все, что сделала и может сделать этика, состоит не в определении безусловных обязанностей, а в указании того, какая из *нескольких* альтернатив, возможных в *данных* условиях, приведет к лучшим последствиям»¹⁰.

Такое разграничение экономического и этического подходов к оценке поведения людей, по всей видимости, не случайно. Вспоминая библейский миф, хочется сказать, что рождение экономики происходило на земле, в «царстве редкости», после того, как Адам и Ева, изгнанные из Рая, вынуждены были трудиться «в поте лица своего», принимать экономические решения, добывать пищу, одежду, жилище и прочие жизненные блага. Этика же, надо полагать, — метафизическое явление, она пришла «не от мира сего», с «Царства Божьего». Ее назначение — создавать нравственную почву для гармоничного развития общества, делать жизнь людей *духовно* осмысленной, показывать, что наряду с материальными ценностями есть ценности более высокого порядка, и прежде всего — сам человек как «мера всех вещей». Этика, как сказано в «Философском словаре», «воспитывает в человеке призвание завершить мир путем надстраивания к царству *существующего* царство того, что *должно* быть»¹¹.

В связи с этим возникает вопрос: возможно ли совмещение этического и экономического в реальном мире, могут ли люди, увлеченные борьбой за жизненные блага, одновременно руководствоваться ценностными соображениями? Словом, может ли Нагорная проповедь — заповедь христианской любви — быть законом социального порядка, в том числе экономики? Или по мере развития общества, экономического прогресса меняется природа самой этики — на смену этики «высокой морали» приходят более рациональные, гибкие, пользующиеся доверием большинства прагматические ценности и моральные нормы?

Как будет показано ниже, долгое время смыслообразующей доминантой целых цивилизаций была именно этика «высокой морали» (*метафизическая* этика), в то время как экономическая деятельность человека оставалась полностью подчиненной общей системе его социальных связей. В настоящее время функцию такой доминанты, судя по всему, взяла на себя экономика. Нельзя не видеть, что в современную эпоху универсальным фактором регуляции всех социальных и семейно-бытовых отношений выступает рыночный обмен. Одновременно с этим экономическая теория заняла доминирующие позиции в мировоззренческих исследованиях и стала «царицей», «универсальной грамматикой» социальных наук. Правомерность такой экспансии объясняется тем, что практически все человеческие действия можно объяс-

⁹ Канке В. Философия для экономистов. М.: Омега-Л, 2011. С. 313.

¹⁰ Мур Дж. Природа моральной философии. М.: Республика, 1999. С. 55.

¹¹ Философский энциклопедический словарь. М.: Наука, 2000. С. 545.

нить в терминах редкости, оптимального выбора, расчета на собственную выгоду, являющихся, в сущности, понятиями науки по имени «*economics*». В этом смысле экономическое поведение не есть какая-то особая разновидность поведения, но выступает «внутренним поведенческим принципом», «образом мышления, который нетрудно обнаружить даже там, где все на первый взгляд подчинено лишь социальным и политическим факторам»¹².

В связи со сказанным встает вопрос: ведет ли этот «экономический империализм» к тому, что нынешняя «рыночная цивилизация» и экономическая наука, ее обслуживающая, абстрагируются от этических принципов, нравственных норм, религиозных убеждений и т. д., о чем с тревогой пишут многие, в том числе выдающиеся ученые?¹³ И если это так, если этика изгоняется из рыночного общества, то получается, что ей не остается места в современной социальной системе. Но без этики люди не способны взять на себя ответственность за последствия собственных поступков — будь-то в отношениях друг к другу, к окружающей природе, ко всему, с чем они соприкасаются в этом мире и что сопутствует им в их повседневной деятельности.

Однако если экономическая теория является *аксиологической* (от греч. *axios* — ценность), наукой, размышляющей не только о *сущем*, но и о *должном*, на чем настаивают многие ученые, то в чем проявляется морально-нравственная направленность ее исследований и практических рекомендаций? Правомерно ли говорить об *экономической этике*, и если да, то в чем ее смысл?

Повторим, в научном мире до сих пор отсутствует единство в понимании этих вопросов, соотношения этических и экономических правил в социальной координации действий людей, поэтому обратимся для начала к истории рассматриваемой проблемы.

3. «Экономия» как органическая часть философской (метафизической) этики античности

Для правильного понимания природы и причин тех коллизий во взаимоотношениях экономики и этики, которые имеют место на протяжении многих веков, необходимо иметь в виду, что экономическая теория родилась, если можно так сказать, дважды: первой ее родиной была Древняя Греция, второй — капиталистическая Европа. Иначе говоря, у экономики как науки было два разных источника: один относится к «этике», а другой — к тому, что можно назвать «инженерией»¹⁴. Этико-ориентированная традиция про-

¹² Хайлбронер Р. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 41, 45.

¹³ Так, К. Полаanyi подчеркивал, что подчинение современной экономической системы мотиву обмена «влечет за собой колоссальные последствия для социальной организации: ни более, ни менее как превращение общества в придаток рынку. Теперь уже не экономика «встраивается» в систему социальных связей, а социальные связи — в экономическую систему. Первостепенная значимость экономического фактора для самого существования общества исключает любой иной результат. Ибо, коль скоро экономическая система организована в виде самостоятельных институтов, основанных на специфических мотивах и предоставляющих особый статус участникам экономической деятельности, общество должно быть устроено таким образом, чтобы обеспечивать функционирование этой системы согласно ее собственным законам. Таков смысл общеизвестного положения о том, что *рыночная экономика может функционировать только в рыночном обществе*» (Полаanyi К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. С. 70).

¹⁴ См. подробнее: Сен А. Об этике и экономике. С. 17—23. Й. Шумпетер, один из крупнейших историков экономического анализа, подчеркивал, что истоки экономической науки лежат, с одной стороны, в философии, а с другой — в спорах о насущных проблемах и трудностях повседневной жизни людей.

исхождения экономики и ее этическая функция берет свое начало в древнегреческой философии, прежде всего в сочинениях Аристотеля, связывавшего предмет экономической науки с *целями* человека, отмечая их взаимосвязь с достатком и благополучием. Технически ориентированный подход к экономике, с акцентом не столько на целях развития, сколько на *распределении* материальных ресурсов, как будет показано ниже, стал детищем мануфактурно-индустриальной стадии капитализма, обусловившей бурный взлет естествознания и использование в экономическом анализе принципов и методов, применявшихся в естественных науках. В дальнейшем «инженерный» подход в экономических исследованиях только усиливался и стал господствующим во второй половине XX века, когда в экономическую науку широкими рядами пришли «чистые» математики и физики¹⁵.

В свое «первое» появление на свет экономика была самым тесным образом связана с политической философией, с этическими ценностями той эпохи. И древние греки, «первооткрыватели» экономики, и богословы средневековья, обращаясь к экономическим проблемам, стремились рассматривать их во взаимосвязи с обществом как единым целым, и непременно под нормативным углом зрения, ради установления правил поведения людей на основе этики и морали своего времени. Уже в V веке до н.э. древнегреческая философия достигла высшей ступени знаний «полезных искусств», к каковым относятся земледелие, медицина, военное искусство, равно как и искусство управления своим домом. Последнее с легкой руки Ксенофонта получило название «экономия» и происходило из двух греческих слов «ойкос» — дом, жилище, и «номос» — правило. Главное произведение Ксенофонта так и называлось — «*Oikonomikē*», что переводится с древнегреческого как «Домострой»¹⁶. «Матерью» всех искусств древние греки (Ксенофонт и Сократ) считали земледелие, и не только по причине практической целесообразности («где оно процветает, там процветают все прочие искусства»), но и по моральным и эстетическим соображениям: «телу оно придает внешнюю красоту и бодрость,... обществу оно доставляет лучших и самых надежных граждан». Подход древнегреческих философов к искусству экономии отличался тем, что, с одной стороны, само богатство, в их понимании, представляло ценность гораздо более низкого порядка, чем духовные совершенства, а значит, учение о богатстве недостойно человеческого ума и несовместимо с нравственной чистотой человека. С другой стороны, все экономические операции они, так или иначе, связывали с *нравственными свойствами* человека и с его моральными установками: энергией, настойчивостью, благочестием, воздержанностью. Исповедуя принципы аскетизма, греки подчеркивали относительность самого богатства: истинно богат тот, кто умеет довольствоваться немногим, и богатство (как и бедность) следует искать не в домах людей, а в их душах. Тело — это жилище человеческих

¹⁵ Выдающийся французский экономист, нобелевский лауреат Морис Алле, с тревогой пишет: «Фактически большая часть современной теоретической литературы постепенно перешла под контроль чистых математиков, более озабоченных математическими теориями, нежели анализом реальности. Мы являемся свидетелями становления нового схоластического тоталитаризма, основанного на абстрактных априорных концепциях, оторванных от какой бы то ни было реальности, своего рода «математического шарлатанства», против которого выступал еще Кейнс в своем «Трактате о вероятности» (Алле М. Современная экономическая наука и факты // THESIS. 1994. Т. 2. Вып. 4. С. 14).

¹⁶ «История экономической мысли, — писал Шумпетер, — начинается с письменных источников теократических государств древнего мира... Но история экономического анализа начинается только с греков» (Шумпетер Й.А. История экономического анализа: в 3-х т. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 1. С. 63).

потребностей — элемент изменчивый и преходящий; «только душа заключает в себе человеческую личность, или человек — ничто»¹⁷.

Таким образом, древние греки не только сформулировали свои взгляды на экономию, но и заложили основы античной (метафизической) этики — учения о моральном поведении¹⁸. Античная этика всецело была продуктом *эманации «чистого» разума*, философских исканий добра и справедливости для гражданина греческого полиса. По воззрениям античных философов, экономия и этика сводились к одному и составляли одно общее учение, в ходе развития которого, однако, постепенно происходило их обособление, зачатки которого видны уже у Платона, ученика Сократа.

Платон продолжил сократовскую традицию соединения учения об экономике с учением о морали, однако обнаружил между ними существенные противоречия. Поскольку его мораль носила аскетический характер, то экономическая деятельность, направленная на достижение богатства, получила у него сугубо *отрицательную* оценку.

Платон во всех своих рассуждениях об общественном устройстве всегда выступал на стороне *справедливости* — как отражении божества, — которой придавал особую этическую обостренность¹⁹. Божество — начало элементарное и неизменное, и потому государство для сохранения справедливости, а следовательно (по Платону), и благоденствия, не должно допускать чрезмерного развития физических потребностей, разделения труда и обмена²⁰. В «идеальном государстве» Платона именно растущие человеческие потребности, личное материальное благополучие — эти главные пружины экономического развития — не что иное, как корень всех несправедливостей и пороков. Поэтому первейшей целью государства должно стать «изгнание неблагородной страсти к наживе» — страсти, не имеющей никаких пределов, постоянно грозящей благоденствию общества. Платон мечтал о государстве духовном, свободном от физических потребностей, сплоченном единой аскетической моралью для созерцания вечной и простой истины, чистой, как божество, хотя и понимал, что этим мечтам не суждено было сбыться: «В сущности, дела людей не заслуживают того, чтобы сколько-нибудь из-за них беспокоиться; но, однако, это неизбежно, и в этом сознании неизбежности забот о земном заключается самое тяжелое и печальное на земле!»²¹

Аристотель, будучи учеником Платона, не смог еще полностью освободиться от тех противоречий между этикой и экономикой, которые не давали покоя его учителю, однако у него многие экономические вопросы начинают рассматриваться ради них самих, без посторонних примесей, и его «экономия»

¹⁷ Цит. по: Эспинас А. История экономических учений. СПб.: ELIS, 1998. С. 8—9.

¹⁸ Термин «этика» впервые ввел в философию Аристотель. Он понимал этику как науку о правильном поведении. Однако философы считают, что этику Аристотеля, как и других античных писателей и средневековых схоластов, отличает явная отстраненность от науки, что придает ей *метафизический* (античность) и *религиозный* (средневековье) смысл (см. подробнее: Канке В. Философия для экономистов. С. 313—324). Автор придерживается данной трактовки природы античной и средневековой (теологической) этики.

¹⁹ Понимание справедливости в эпоху античности и средневековья отличалось от нынешнего дня. Вот что по этому поводу писал К. Полаanyi: «Справедливость — в противовес нашим современным взглядам — предполагает неравенство положения членов сообщества. Все, что обеспечивает справедливость, будь то при распределении жизненных благ или разрешении конфликтов и регулировании взаимных услуг, есть благо, если это требует устойчивого существования группы. Так что нормативность здесь неотделима от реальности» (Полаanyi К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2010. С. 135).

²⁰ Эспинас А. Указ. соч. С. 14.

²¹ Там же. С. 16.

становится уже *самостоятельным* искусством, что позволило Й. Шумпетеру увидеть в работах этого мыслителя «зачатки „чистой“» экономической науки»²². В отличие от Платона Аристотель не видел в экономическом развитии никаких угроз для нравственного состояния общества, более того — считал его в известном смысле условием гармоничного развития человека.

Однако в рассуждениях Аристотеля об экономике присутствуют две специфические детали. Во-первых, он различал два вида экономики по их цели: а) *истинную* — искусство создавать блага для удовлетворения естественных потребностей; б) *ложную*, или «хрематистику» (от греч. *хрѣмѣта* — богатство), — искусство наживать состояние путем перепродажи товаров и ростовщичества, особенно с целью накопления денег. Признавая за деньгами как меновым эквивалентом полезную общественную функцию, приписывая деньгам даже определенное участие в установлении справедливости в обществе, Аристотель, тем не менее, не соглашался, чтобы деньги сами по себе, вне сферы товарного обмена, получали эквивалентное вознаграждение в виде тех же денег. Когда люди стремятся к приобретению денег, тогда они преступают требования этики и законы природы²³.

Вторая существенная деталь экономической доктрины Аристотеля заключается в том, что его экономика ограничивалась рамками *индивидуальной* семьи, хотя и составляла часть политики, «как дом составляет часть государства». Отсюда проистекала и его защита частной собственности, которую так порицал Платон. Аристотель же считал, что частная собственность имеет глубокие корни в самой природе человека, основана на его инстинктах, а значит, законна и благодетельна, поскольку дает существенный импульс к деятельности и развитию общества. В отличие от своего учителя-социалиста Аристотель — последовательный индивидуалист, видевший в нравственных силах отдельной личности возможность осуществления своего идеала абсолютного совершенства. Не государство своими запретительными законами, а каждый человек в отдельности должен осознать, в чем заключается его истинное счастье, и стремиться к его осуществлению.

Вместе с тем, будучи ревнителем античной этики, Аристотель исходил из более широкого взгляда на «благоденствие» и отдавал безусловное первенство социальной добродетели: «Хотя стоит стремиться к достижению цели уже для одного человека, но более возвышенным и благородным является достижение цели всего народа или города-государства»²⁴. Когда он рассуждал о роли государства в области экономики, то твердо придерживался точки зрения, что «цель государства» — это «совместное продвижение к высокому качеству жизни»²⁵.

²² Шумпетер Й.А. Указ. соч. С. 73. Указывая на связь экономических взглядов Аристотеля с его политической философией, Шумпетер пишет, что главные интересы Аристотеля в области социальных явлений «лежат в сфере... экономической социологии, или даже в сфере политической социологии, которой он подчинял и экономическую социологию, и собственно экономическую науку» (там же. С. 70).

²³ «Все, занимающиеся денежными оборотами, стремятся увеличить количество денег до бесконечности... В основе этого направления лежит стремление к жизни вообще, но не к благой жизни; и так как эта жажда беспредельна, то и стремление к средствам, которые служат к утолению этой жажды, также безгранично. ...Поэтому с полным основанием вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки предметом собственности, которые, таким образом, утрачивают то свое назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли, взимание же процентов ведет именно к росту денег... Этот рост наживы оказывается по преимуществу противным природе» (Аристотель. Политика. М.: АСТ, 2006. С. 393, 395).

²⁴ Аристотель. Никомахова этика. М.: Эксмо-Пресс, 1997. Кн. 1. Гл. 2. С. 2.

²⁵ Аристотель. Политика.

Таким образом, у Аристотеля экономика перестает быть «анонимным» явлением жизни греческого полиса, представляет самостоятельный научный интерес, хотя и составляет всего лишь часть его более общей политической философии. Заслуга Аристотеля в том, что он идентифицировал экономические явления, «открыл» экономику как науку, «поставил, — по словам К. Поланьи, — во всей своей широте вопрос о месте, занимаемой экономикой в обществе», что «заставило его отнести добывание денег посредством торговли и справедливую цену к числу главных вопросов политики»²⁶. И все же Аристотель не стал, да и не мог в ту пору стать «экономистом», поскольку сами экономические явления находились лишь в зародыше. Для него, как и для других древнегреческих мыслителей, связь экономики и этики была бесспорной, и в этом единстве этические установки не просто доминировали в представлениях о смысле и назначении хозяйственной деятельности, но составляли органичное единство с самим экономическим знанием того времени.

4. Религиозная этика как основа хозяйственной жизни средневекового общества

При переходе к средневековью²⁷, знаменовавшему собой «наступление ночи человеческой истории», интерес к «экономике» резко падает, и само это название предается забвению на многие века. Нашествие варваров, распад Римской империи, территориальная и политическая раздробленность, непрекращающиеся войны, застой в производстве и торговле, отчаяние, овладевшее всеми, — таковы основные причины, которые надолго парализовали хозяйственное развитие Европы и, как следствие, интерес к экономической мысли. Обстановка упадка, социально-экономическая деградация толкали людей к поискам сверхъестественного в собственном внутреннем мире, к решению проблем тяжелой жизни в религиозной сфере. Все это как нельзя лучше способствовало распространению христианства, метафизических учений отцов церкви, *теологической* (религиозной) этики, и лишь в позднее средневековье — идей греческих философов, и прежде всего Аристотеля, учение которого было гармонично синтезировано католическим богословом Фомой Аквинским с основными христианскими вероучительными истинами²⁸.

На протяжении большей части средневековой истории экономическая деятельность рассматривалась с *отрицательным* знаком, трактовалась с позиций буквы и духа Священного писания. В учении Христа, как известно, богатство считается большим препятствием к спасению души: «Богатому трудно войти в Царство небесное»; «Если хочешь быть совершенным, продай твое имущество и раздай нищим, и ты получишь сокровище на небе; потом следуй за Мной». Труд признавался достойным похвалы лишь как страдание, как умерщвление плоти, как искупление греха, но он не должен сопровождаться даже мыслью о материальном приобретении. «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. ...Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец

²⁶ Поланьи К. Указ. соч. С. 120.

²⁷ Название «Средние века» (*medium aevum*) было введено ретроспективно историками, рассматривавшими промежуток времени между Античностью («древним временем») и Ренессансом («возрождением» античной культуры) как «темное время». Охватывает период примерно с IV по XIII век.

²⁸ К. Поланьи считал, что влияние, которое оказал Аристотель на хозяйство средневекового города (через Ф. Аквинского), было не меньше того влияния, которое оказали А. Смит и Д. Риккардо на мировую экономику XIX века (Поланьи К. Указ. соч. С. 119).

ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»²⁹.

Отсюда понятно, почему в фокусе критики со стороны средневековых авторов оказались в первую очередь проблемы богатства и собственности, а также такие виды хозяйственной деятельности, как торговля и ростовщичество. Последние не только запрещались духовенству, но и были недопустимы для мирян. Тем, что Господь выгнал купцов из храма, писал Иоанн Златоуст, Он показал, что купец не может нравиться Богу. Поэтому ни один христианин не должен был заниматься торговлей, иначе ему грозило изгнание из храма и публичное наказание. И если к торговле в целом отношение постепенно менялось в лучшую сторону, то на ссуде под процент, кредит — этом главном нерве торговой деятельности — клеймо аморальности и презрения оставалось еще долгие века.

Кроме религиозных корней, у этой неприязни были и чисто «светские» причины — сложившиеся веками традиции и обычаи средневековой жизни, мораль и нравы феодального строя, считавшие незаконными все виды доходов, полученные не от физического труда. Только плоды тяжелого труда, «труда в поле, под дождем, за плугом» (Иоанн Златоуст), считались естественными и законными. В обществе земледельческого натурального хозяйства товарный обмен и операции с деньгами были чем-то чуждым и противным основному виду деятельности, отвлекали одну часть населения от производительного труда, коим признавался лишь земледельческий и ремесленный труд. Общественное сознание еще не готово было понять и принять ту простую истину, что если появляется какой-то вид деятельности, значит он (пусть и в скрытом виде) пользуется спросом и соответственно обладает полезностью. Не замечать производительного характера обмена, изображать его вредным и опасным «душе» можно было лишь с этических представлений того времени, но никак не с позиций здравого смысла и экономической целесообразности. Большинство людей просто не могли себе представить, что производство может быть увеличено за счет выбора более эффективных альтернатив: решения об инвестировании ресурсов в одно место, а не в другое, в одного человека, а не в другого, в одно сырье, а не в другое. Экономическая ценность сбора и анализа информации попросту находилась за пределами духовного горизонта большинства тех, кто жил за счет земледельческого труда или ремесленничества³⁰. Поэтому вполне «естественными» становились чувства негодования, зависти и злобы по отношению к ростовщикам и торговцам, «кормившимся» с доходов от обменных, а не от «производительных» операций.

Существенным ограничителем экономической деятельности выступали также *государственные* регламентации производства и сбыта. В средневековый период на государство смотрели как на религиозное учреждение, объяввшее все стороны человеческой жизни, считавшее себя обязанным надзирать за своими подданными во всех их житейских отношениях, заботиться не только о защите их от насилия и обмана, но и о спасении их душ. Вполне естественно, что государство пыталось установить «законную» норму процента, «справедливую» заработную плату, обеспечить доброкачественность товаров и т. д. Предоставлять эти важные для человеческой жизни вопросы на разрешение случая или личному интересу считалось делом греховным, а потому недопустимым.

²⁹ Евангелие от Матфея. 6: 25—33.

³⁰ См.: Мюллер Дж. Капитализм, коммунизм и евреи. М.: Карьера Пресс, 2011. С. 39.

Вместе с тем и в эпоху средневековья ход экономической жизни был немаловажным, с чем не могли не считаться как идеологи средневековой морали, так и церковные и государственные инстанции. В прежние времена религиозные каноны и светские законы более или менее гармонизировали с психологией и мотивами феодального хозяйства. Но экономический строй постепенно меняется — на смену «аграрному коммунизму» приходит *городское хозяйство*, которое становится отправной точкой в пересмотре канонической доктрины и хозяйственной этики. Вследствие этого меняется отношение к торговле, потребность в которой становится все более насущной. Печать греховности снимается даже с торговой прибыли, если она умеренных размеров и если торговля ведется в общественных интересах, а не с целью наживы. Такая прибыль рассматривалась уже не как самоцель, а как плата за труд, но ее размеры определялись по сословному положению таким образом, чтобы каждое сословие имело возможность вести «приличествующий ему образ жизни».

Из сословного положения и «богоугодности» установленной меры богатства выводилось и учение о «справедливой цене»: это та цена, которая соответствует расходам продавца с прибавлением приличествующего его состоянию дохода. Цена могла быть повышена, если товар до продажи подвергся улучшению; если он продавался в другом месте и в другое время; если, наконец, продавец при доставке товара подвергался риску. Однако важно было, чтобы в каждый данный момент и в каждой данной местности могла устанавливаться лишь одна «справедливая» цена на тот или иной товар, и потому цены не должны изменяться в зависимости от колебаний спроса и предложения. С целью поддержания такой цены канонисты рекомендовали властям устанавливать «таксы» на различные предметы торговли.

Что касается отношения к ростовщичеству, то оно в целом изменилось мало, его по-прежнему считали «постыдным ремеслом», но в трактовку ссудного процента все же была внесена существенная поправка. Из-под запрета выводился процент за понесенные убытки, вызванные несвоевременной уплатой долга, но категорически не допускалось получение прибыли вследствие предоставления денег в ссуду. Сохранение этого запрета мотивировалось тем, что «человек не должен продавать того, чего он не получил». И даже когда приводились доводы в пользу его снятия (кредитор мог поместить свои деньги в торговлю и получать законную прибыль), средневековая каноническая доктрина оставалась непоколебимой относительно греховности получения процента за ссуду денег.

Следуя Аристотелю, Фома Аквинский считал, что функция хозяйственной деятельности как составной части этики — «науки о деяниях человеческих» — это создание условий для *моральной* жизни, конечной целью которой является спасение. Угнетение бедных и страсть к наживе как самодовлеющее начало не только запрещены в личной жизни, но и *экономически* невыгодны, так как направлены против самой экономики, конечная цель которой *гуманна*³¹.

Как видим, средневековые, как и античные, авторы на протяжении многих веков, в сущности, осуждали все то, что имело хоть какое-то отношение к экономической деятельности, к земной жизни людей (вознаграждение за труд, торговля, коммерция, собственность). Их волновали в первую очередь

³¹ Вместе с тем Фома учил: чтобы вести нравственную жизнь, чтобы развивать в себе надлежащие добродетели, человек нуждается в некотором минимуме благосостояния и материальной обеспеченности. Отсюда делался вывод, что нищета в социальном смысле является разновидностью ада. Значит, социальные условия, которые ставят людей в обстоятельства, вынуждающие грешить, требуют известных усилий от тех людей, кто хочет измениться и жить по закону Божию (см.: *Маритен Ж.* Знание и мудрость. М.: Научный мир, 1999. С. 53).

вопросы сформулированной ими этики, чистота человеческой души и ее назначение, а не способы улучшения материальных условий жизни, разумного хозяйствования. Они боялись выпустить человека из-под своего влияния, не доверяли ему, опасались, что его «греховная природа» разрушит мир и покой средневекового общества. По словам К. Маркса, у «древних» вы не найдете рассуждений о том, какая форма собственности наиболее эффективна. Их интересовало другое: какая форма собственности дает обществу «наилучших граждан»? Известный западный историк Генри У. Шпигель пишет: «Схоластическая экономическая мысль, которая процветала в Средние века, во многих отношениях отличается от экономической мысли нашего времени. Она была не позитивной или гипотетической, а нормативной, предписывая верующим, что делать и от чего воздерживаться. Расхождение между нормой и ее выполнением объяснялось человеческой слабостью или греховностью... Схоластическая экономическая мысль возникла в век веры, главнейшей заботой которого было скорее спасение душ в ином мире, чем посясторонние реформы, которые могли бы создать земной рай»³².

Позже, в XVIII веке, ученые покажут пагубность воспитания подобных нравов, которое имело не только негативные экономические результаты, но и печальные духовные последствия. На этот счет выйдет немало экономико-философских, исторических, а также политико-правовых трактатов. В частности, Ш. Монтескье в своей книге «О духе законов» (1748 год) будет особо подчеркивать, что торговля во все времена оказывала позитивное влияние не только на экономику, но и на культуру и на характер народов: «Торговля исцеляет нас от пагубных предрассудков. Можно считать почти общим правилом, что везде, где нравы кротки, там есть и торговля, и везде, где есть торговля, там и нравы кротки. Поэтому не надо удивляться, что наши нравы менее жестоки, чем прежде. Благодаря торговле все народы узнали нравы других народов и смогли сравнить их. Это привело к благотворным последствиям». Монтескье видел прямую связь между осуждением торгово-ростовщической деятельности и экономической отсталостью, считал упадок торговли в средневековый период одним из великих несчастий в европейской истории³³. Прямую вину за эти несчастия он возложит на христианских теологов, интерпретировавших торговлю и ростовщичество как противное природе занятие: «Итак, умствованиям схоластов мы обязаны всеми бедствиями, сопровождавшими разрушение торговли»³⁴.

Еще раз подчеркнем: в основе «дьяволизации» страсти к деньгам, торговли и ростовщичества лежали ментальные представления, сформировавшиеся под влиянием как философских взглядов старого, античного мира, так и религиозных запретов средневековья. Но дело не только в этом. Приоритет религиозной этики перед экономикой объяснялся и тем, что последняя в силу своего натурального характера еще не вычленилась из общей ткани общества как самостоятельный институт со своими специфическими целями и средствами

³² Шпигель Г.У. Схоластическая экономическая мысль // The New Palgrave. Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: Инфра-М, 2004. С. 768.

³³ Один итальянский остроумец в комментариях к «Божественной комедии» Данте писал: «Те, кто занимается ростовщичеством, попадут в ад. Те, кто не занимается ростовщичеством, впадут в бедность» (цит. по: Мюллер Дж. Указ. соч. С. 34).

³⁴ При оценке проповедей Иисуса о богатых средневековыми теологами не учитывалось, что Христос пришел в мир, в котором господствовало рабство, поэтому идеал бедности раннего христианства, которым были исполнены многие из Отцов Церкви и большинство их последователей, противопоставлялся богатству как проявлению несправедливой жизни, разгульного и бесплодного расточительства.

их достижения. Домашнее хозяйство и производство составляли одно целое, и экономический процесс крайне трудно было идентифицировать в условиях, когда он был всецело включен в неэкономические институты. По этой же причине и экономические исследования не носили автономного характера, а выступали как составная часть политических, религиозных, философских и моральных сентенций о проблемах функционирования общества.

Ученые давно обратили внимание на парадоксальный факт: история человечества писалась на протяжении многих тысячелетий, но в ее анналах нет ни одного экономиста, который творил бы в то время. «Действительно странно, — писал известный американский экономист и социолог Р. Хайлбронер, — человечество начало сталкиваться с экономическими проблемами задолго до эпохи фараонов, и на сцену успело выйти бесчисленное количество философов, множество ученых, политических мыслителей, историков и художников, тысячи государственных деятелей. Почему же мы не знаем ни одного экономиста?»³⁵

Ответ на поставленный вопрос мы можем найти в работах основателя экономической антропологии К. Поланьи: «В прежние эпохи формы добывания человеком средств к существованию привлекали значительно меньше его сознательного внимания, нежели многие другие стороны его организованного существования. В отличие от родства, магии или этикета с их исполненными значения словами-символами, экономика как таковая оставалась безымянной. Термина, обозначающего понятия экономики, как правило, не существовало. Соответственно, как можно судить, не существовало и самого этого понятия. Принадлежность к клану и тотему, половой и возрастной группе, идейное лидерство и церемониальные практики, обычаи и ритуалы были институционализированы посредством очень сложных систем символов, в то время как за экономикой не было закреплено никакого слова-знака, которое придавало смысл добыванию пищи, необходимой для выживания человека. Неслучайно до недавнего времени в языке даже цивилизованных народов не находилось терминов для обобщенного выражения того, что составляет организацию материальных условий жизни. Только двести лет назад эзотерическая секта французских мыслителей изобрела термин и назвала себя *экономистами*. Это была заявка на открытие экономики»³⁶.

Отсюда понятно, почему в рассмотренные нами периоды античности и средневековья были великие моральные философы, но еще не родились великие экономисты. Когда же созрели условия для их появления, то соотношение этики и экономики изменилось кардинальным образом³⁷, что в конечном счете обусловило формирование новой, *рыночно-капиталистической* этики хозяйствования.

5. Капитализм как результат новых морально-этических ценностей

Радикальной перемене места в «субординации» экономики и этики, равно как и изменению природы последней, способствовало постепенное развитие товарного производства и обмена, кредитно-денежных отношений, использование денег не только в виде платежного средства, но (в дальнейшем) и в качестве капитала, сначала торгового (купеческого), а спустя какое-то время

³⁵ Хайлбронер Р.Л. Философы от мира сего. М.: КоЛибри, 2008. С. 18.

³⁶ Поланьи К. Избранные работы. С. 125.

³⁷ Подробнее об этом см.: Канке В. Современная этика. М.: Омега-Л, 2009. С. 272; Канке В. Философия для экономистов. С. 325—332.

и промышленного. Одновременно с этим трансформируется и социальная структура общества, возрастает рационализация сознания, формируется новая, более мягкая мораль, ведущая к нормативной переоценке того, что ранее считалось причиной грехопадения. Все это, вкупе с осуждением праздности и известной реабилитацией труда как нравственной ценности, не могло не положить начало процессу разрушения того единого мировоззрения, которое доминировало на протяжении большей части средневековья, особенно на ранних его стадиях. Общество стало более терпимо относиться к частной собственности, торговле и другим видам коммерческой деятельности, считая, что они могут приносить общественную пользу, лишь бы при этом соблюдалась некоторые приличия.

Развернувшаяся в начале XVI века Реформация не только придала этому процессу больший динамизм, но и указала качественно новый вектор развития. Начав с религии, Реформация постепенно изменила всю систему ценностей и этических установок. Под ее влиянием религия стала утрачивать мистический и ритуальный смысл и превратилась в повседневный образ жизни, в руководство, как надо жить и работать, чтобы чего-либо добиться и быть угодным Богу. В своей знаменитой работе «Протестантская этика и „дух“ капитализма» известный немецкий социолог М. Вебер писал, что решающую роль в развитии «духа капитализма» (прагматизма, неутомимости в труде, дисциплины, исполнения долга, умеренности в потреблении, бережливости) сыграли теологические учения отцов Реформации Ж. Кальвина и М. Лютера, в которых главное внимание уделялось не столько церковной догме, сколько общеполитическим и экономическим аспектам религии. Согласно этим учениям, человеку для спасения недостаточно ни его собственных усилий, ни помощи церкви, ибо Творец заранее предопределил, кто избран для Его милости, а кто обречен на вечные муки. Единственным поприщем, на котором человек мог достичь успеха, который давал бы надежду, свидетельство об избранности, оставалась *профессиональная деятельность*, все остальное — идолопоклонство³⁸. Лютер, в частности, подчеркивал, что значение имеют не созерцательные мечтания человека, а его гражданская профессия, скромная деятельность в доме и во дворе, на предприятии и в поле, которые должны рассматриваться не как отвлекающие от неба занятия, а как действительно духовная деятельность.

Таким образом, Реформация положила начало *духовной* революции, в ходе которой стал складываться новый образ мышления, необходимый для капиталистического развития: труд ради труда, исполнение долга, самоограничение и отказ от праздности и роскоши. Вебер писал, что в докапиталистическую эпоху не было никакого стимула работать больше, чем необходимо для поддержания традиционного жизненного уклада. Люди работали потому, что им *приходилось* работать. Теперь же все изменилось. Труд перестал рассматриваться как Божье наказание, как «рабство», а становился первейшей обязанностью человека, его «призванием», его важнейшей *молитвой* Творцу. Отныне «трудиться — означало молиться» (*Laborare est orare*), быть избранным, и только через такую «молитву» можно было рассчитывать на спасение, ибо Бог избирает тех, кто честно трудится.

Все это указывает на то, что протестантизм изменил *смысл* труда, сформулировал совершенно новую мотивацию трудовой деятельности: труд превратился во *внутреннюю* потребность человека, слился с изменившейся целью

³⁸ Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / Сост. В. Гараджа, Е. Руткевич. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 15.

его существования, которая заключалась в служении общему благу и одновременно славе Божьей. А это уже больше чем любовь к труду: возник культ, религия труда, что стало огромным моральным стимулом, который капитализм «на старте» своей истории мог получить только от религии. Как писал видный западный социолог и психолог Э. Фромм, «нет сомнения, что капитализм не смог бы развиваться, если бы преобладающая часть человеческой энергии не была направлена на работу. В истории нет другого периода, когда свободные люди столь полно отдавали свою энергию единственной цели — работе. Стремление к неустанному труду стало одной из главных производительных сил, не менее важной для развития нашей промышленной системы, чем пар и электричество»³⁹.

Важным следствием возникновения новой трудовой этики в сочетании с умеренностью в потреблении и бережливостью явилось *возрастание богатства*, которое теперь трактовалось как не только законное, но и угодное Богу занятие, как знак Божьей милости. Напротив, лень, праздность, нежелание добиваться профессионального преуспевания, бедность — как смертные грехи, как знак проклятия. В результате происходит *кардинальная трансформация социально-психологического и нравственного климата* в обществе. Бедные перестали завидовать богатым, а само богатство выступало в качестве стимула для вертикальной мобильности. Стать богатым было престижно, если рост богатства совершался легальным путем, а легко добываемое богатство осуждалось. Поэтому у Вебера были все основания сделать вывод о том, что «пуританизм стоял у колыбели современного „экономического человека“»⁴⁰.

Таким образом, Реформация привела к тому, что в массовом сознании европейцев, в том числе тех, что разъехались по миру, стали утверждаться новые нравственные и культурные ценности, приведшие к вызреванию «духа капитализма». Неустанный профессиональный труд, ограничение потребления разумными рамками, аскетическая бережливость имели своим практическим результатом *накопление капитала*, который теперь не расходовался на приобретение предметов роскоши, но использовался в качестве производственных инвестиций. Только экономическая реализация богатства, его производительное использование ведут к появлению капитализма.

Следовательно, новая протестантская этика мотивировала и стимулировала по-новому «работать» не только труд, но и капитал — не только рабочих, но и предпринимателей. Появляется новый тип предпринимателя, а значит и новый тип *предпринимательского* капитализма. Прежде предприниматели стремились к наживе любой ценой, попирая этические нормы и приличия, с чем пытались бороться церковь и находившееся у нее «на службе» государство. Теперь же предпринимательство перестало быть «грюндерством», грабежом и спекуляцией, поскольку появились «внутренние» ограничители и моральные ориентиры — совесть, честность, профессиональный долг, деловитость и, как следствие, — «рациональная капиталистическая организация свободного труда» (М. Вебер).

Осуществив десакрализацию религии, освободив человеческую мысль от «небесных чар», европейское реформаторство породило движение *Просвещения*: философию рационализма (естественного права), доктрину либерализма, основой которого стал индивидуализм, поставивший в центр

³⁹ Фромм Э. Догмат о Христе. М.: Олимп, 1998. С. 255.

⁴⁰ Вебер М. Протестантизм и капитализм // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / Сост. В. Гараджа, Б. Руткевич. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 615.

своего учения не Бога, а человека как автономную личность. Центральной категорией мышления начинает выступать индивидуальная свобода, здравый смысл, хозяйственная сметка, бухгалтерская рациональность, открывшие широкую дорогу личному интересу, который становится главной пружиной общественной и частной жизни, новой нравственной нормой поведения людей. Важнейшим результатом всех этих изменений со временем станет появление *нового типа человека* — все более активного субъекта экономической деятельности, который окончательно разорвет цепи средневековой морали и начнет созидать фундамент новой, капиталистической цивилизации.

На этом пути гигантскую роль сыграли ученые эпохи Просвещения, в особенности философы, правоведы, экономисты. В их трудах проповедовалась совершенно новая для того времени мораль, прославлявшая общественную пользу личного интереса, людских страстей, аффектов, себялюбия, словом, многое из того, что раньше считалось грехом и пороком. В списке этих произведений обращает на себя внимание работа английского философа-моралиста начала XVIII века Б. Мандевилля «Басня о пчелах», на которую позже ссылались А. Смит, К. Маркс, Дж. Кейнс и другие выдающиеся умы и в которой наиболее ярко высветилась эта резкая смена ценностей. Мандевиль показал, что в «земном царстве» не могут одновременно ужиться материальное благополучие и средневековая мораль. Смысл «Басни» — в ее подзаголовке: «Пороки частных лиц — блага для общества».

Чтобы лучше обосновать свою гипотезу, Мандевиль придумал небольшую историю с работающим и процветающим пчелиным ульем, где обитали всякого рода бандиты, прохвосты, игроки, воры-карманники, фальшивомонетчики, шарлатаны и т. д. Все они только и делали, что обманывали друг друга, потому что в пчелином улье «надувательство было свойственно всякому сословию». Но, как показывает автор, это и есть плата за общее благополучие. Именно потому, что каждая пчела в отдельности была полна пороков, весь улей процветал и был предметом всеобщей зависти:

Пороком улей был снедаем,
Но в целом он являлся раем.
Он порождал в округе всей
И страх врагов и лесть друзей;
Все ульи несравнимы были
С ним по богатству и по силе⁴¹.

Своей «Басней» Мандевиль хотел показать, что человеческое общество подобно улью: в нем полно пороков, но вместо того, чтобы поставить их на службу обществу, многие моралисты боролись с ними, учили людей, какими они должны быть, но не говорили, какие они есть на самом деле. «Что касается меня, — пишет автор, — то... я полагаю, что человек... является соединением различных аффектов, что все они, когда возбуждены и овладевают человеком, поочередно управляют им, хочет он того или нет. Показать, что эти качества — а мы все притворяемся, что стыдимся их, — служат надежной опорой любого процветающего общества, является темой моего сочинения»⁴².

Этими качествами и являются людские пороки. Но Мандевиль не защищает их, а объясняет, что «Евангелие и материальное процветание несовместимы»⁴³, что нельзя построить экономически благополучное общество в мире «чистой» нрав-

⁴¹ Мандевиль. Басня о пчелах, или Пороки частных лиц — блага для общества. М.: Наука, 2000. С. 14.

⁴² Там же. С. 22.

⁴³ Лаваль К. Указ. соч. С. 125.

венности, приходится выбирать. Роскошь, говорит он, является грехом, а торговля — деятельностью двух мошенников, стремящихся обмануть друг друга, но такие пороки разрушают лень и праздность, толкают людей к экономической деятельности и обеспечивают процветание общества.

Да будет всем глупцам известно,
Что улей жить не может честно.
В мирских удобствах пребывать,
Притом пороков избегать
Нельзя; такое положенье
Возможно лишь в воображенье.

.....
Чтоб стать народ великим мог,
В нем должен свить гнездо порок;
Достатка — все тому свидетель —
Не даст ему лишь добродетель⁴⁴.

В комментариях к «Басне» Мандевиль говорит об этом не менее определенно: «Я горд тем, что показал: естественными качествами человека являются не дружба, не нежные чувства, не те насущные добродетели, которые он может приобрести благодаря лежащему в основании общества разуму и самоотречению, но *то*, что мы называем мировым злом, как нравственным, так и физическим, это тот великий принцип, который превращает нас в социальных существ, надежную основу, душу и оплот всех ремесел и профессий без исключения, что именно в этом следует искать настоящую причину искусств и наук и что в то мгновение, когда не будет больше зла, общество погибнет или вообще полностью исчезнет»⁴⁵.

Таким образом, можно смело утверждать, что Мандевиль закладывает основы новой концепции морали, которая кардинальным образом отличается от средневековых, феодальных этических установок. Он показывает, что господствовавшие веками рассуждения об утопических идеалах благородства и достоинства слишком далеки от повседневной хозяйственной практики, что отношение к реальности имеют естественные качества человеческой натуры, на которых только и можно воздвигнуть прочное общественное здание.

Разведение по разные стороны экономической деятельности, стимулом которой является личный интерес, и нравственных добродетелей, направленных на высшие ценности, подготовило интеллектуальную почву для развития экономической и социальной философии *индивидуализма* — подлинной науки о человеческих желаниях и их удовлетворении. В этой науке был взят курс на «деморализацию» экономической деятельности, освобождение экономики от нравственных предписаний и требований прежней, религиозной этики, апеллировавшей к сверхъестественному авторитету и стремившейся искоренить из живой человеческой души все земные страсти и желания.

Разрыву между экономикой и феодальной этикой, начавшемуся в XVIII веке и завершившемуся в XIX веке, способствовало превращение рыночных отношений во всеохватывающую общественно-экономическую систему, с господствующей ролью в организации экономики механизма рыночных цен и денег. В условиях рыночной системы появляется всеобъемлющий механизм экономики, работающий без сознательного вмешательства власти человека или государства. Человек больше не нуждается ни в каких других стимулах, кроме страха перед нищетой и стремления к законной прибыли,

⁴⁴ Мандевиль Б. Указ. соч. С. 21.

⁴⁵ Там же. С. 237.

не требует никаких других юридических предпосылок, кроме защиты собственности и выполнения контракта.

К. Поланьи подчеркивал, что появление в XIX веке саморегулирующегося рынка, в отличие от других эпох, «требует ни более ни менее как институционального разделения общества на экономическую и политическую сферы. И хотя такого рода дихотомия встречается в обществах любого типа, поскольку последние не могут существовать без определенной системы, обеспечивающей порядок в производстве и распределении товаров, это вовсе не предполагает наличия самостоятельных экономических институтов. Обычно же экономический строй есть лишь функция строя социального, который включает, содержит его в себе... Общество же XIX века, в котором хозяйственная деятельность была выделена в особую сферу и приписана характерному только для нее, собственно экономическому мотиву, стало, в сущности, поразительным исключением из правил»⁴⁶.

Таким образом, с появлением рыночной системы мотив обмена и купли-продажи подчиняет процесс производства и всю социальную жизнь рыночному порядку, влечет за собой превращение общества в придаток рынка. Теперь уже не экономика «встраивается» в систему социальных связей, а, напротив, социальные связи — в экономическую систему. С этого момента экономика уже не может подчиняться требованиям прежней этики и моральной философии, ее организация и развитие должны опираться на самостоятельные институты и специфические для рыночной системы побудительные мотивы и законы.

Весьма показательно в этом отношении творчество А. Смита, незаурядного морального философа и основателя классической политической экономии. Смит был автором двух книг: «Теории нравственных чувств» и «Исследования о природе и причинах богатства народов», которые вышли в разное время с интервалом в 17 лет. Разным был и пафос этих книг: если «Теория» была посвящена альтруизму, «чувству симпатии» к ближнему, то «Богатство народов» — себялюбию, «невидимой руке» личной выгоды как доминирующему свойству человеческой натуры. Смит подчеркивал, что чувство симпатии, благожелательность, «живущая в душе каждого», получены человеком от Бога⁴⁷, но в повседневных жизненных заботах человеку свойственно мыслить не в этих терминах, а руководствоваться прежде всего личными интересами и желаниями, и именно они неожиданным образом ведут общество к экономическому благосостоянию. «Ни один индивид... не будет думать об общественных интересах... он будет стремиться лишь к своей личной выгоде, и в этом случае, как и во многих других, им будет руководить невидимая рука, которая приведет его к цели, не имеющей ничего общего с его намерениями»⁴⁸.

Таким образом, поставив перед собой задачу поиска источников «богатства народов», Смит в силу необходимости вынужден был отказаться «от нежного чувства гуманности... которую природа заронила в нашу душу», и признать *созидательную силу* своекорыстного интереса как фактора удовлетворения повседневных нужд людей и экономического прогресса. «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обраща-

⁴⁶ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. С. 85.

⁴⁷ Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. С. 150.

⁴⁸ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1935. Т. 4. С. 44.

ется не к их гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах»⁴⁹.

Будучи реалистом, Смит понимал, что общество, в котором он жил и в котором все еще сильны были пережитки средневековой морали, зашло в тупик и нуждалось в новых этических ориентирах, способных указать путь к процветанию. Его либеральные доктрины — индивидуализм, полная и непоколебимая вера в личный интерес, *признание эгоизма как важнейшего свяствующего элемента общества* — были для того времени великим «этическим переворотом», совершённым гениальным философом, бросившим вызов господствовавшему мировоззрению, сдерживавшему развитие национальных хозяйств и всей мировой экономики. Смит показал, что эгоизм, стремление к личной выгоде и накоплению богатства не должны ассоциироваться с безнравственностью. Весь ход его мыслей свидетельствует, что для него главным нравственным критерием было в первую очередь то, что служит интересам общественного прогресса и развитию творческих способностей личности. Средневековый мир не стал более нравственным от того, что его «моральный кодекс» осуждал и преследовал любые проявления эгоизма и личной заинтересованности; он лишь обрек общество на тысячелетний застой в экономике, науке, здравоохранении, образовании, быту.

Майкл Новак отмечал, что голод навещал европейский мир как минимум один раз на протяжении жизни каждого поколения, унося с собой тысячи и тысячи жизней. Даже в конце XVIII века четыре пятых всех французских семей 90% своего дохода тратили исключительно на хлеб. Средняя продолжительность жизни в европейских странах в этот период составляла 27,3 года — для женщин и 23,4 года — для мужчин. Всеобщей была неграмотность и элементарное невежество: люди практически ничего не знали об элементарных правилах гигиены, никогда не слышали о медицине, не имели представления, что употребление грязной воды вызывает страшные болезни и эпидемии. Типичной была вера, что конца этим страданиям и бедствиям не будет никогда. История воспринималась как вечное повторение всего того, что уже было. Поэтому, подчеркивал Новак, слова Екклесиаста «и нет ничего нового под солнцем» весьма точно выражали суть этого «оцепеневшего мира»⁵⁰.

Смит считал своим моральным долгом бросить вызов предельно убогим и примитивным идеалам прошлого, выдвинуть такие мировоззренческие идеи, которые открыли бы людям глаза на окружающую действительность, учили бы, «как правильно поступать», чтобы вырваться из нищеты и направиться по пути процветания. В сущности, «Богатство народов» — это книга не только по экономике, но прежде всего по этике: в ней автор представил принципиально новое этическое мышление, позволившее обосновать совершенно иной взгляд как на экономику, так и на роль в ней человека. Не случайно кто-то из историков сравнил основной труд Смита с изобретением людьми колеса — настолько громадную цивилизаторскую роль он сыграл и в развитии политической экономии, находившейся в тисках меркантилистской идеологии, и в формировании новой этики, радикально изменившей со временем поведение людей и весь мировой экономический порядок. Хозяйственные успехи стран Западной Европы и Северной Америки в XIX—XX веках — наглядное подтверждение торжества этой этики, выведенной из требований объективных, «естественных» законов, а не сформулированной на основе пусть и высоких, но отвлеченных нравственных идеалов.

⁴⁹ Классика экономической мысли: Сочинения. М.: Эксмо-Пресс, 2000. С. 87.

⁵⁰ Новак М. Дух демократического капитализма. Минск.: Лучи Софии, 1997. С. 385.

Здесь уместно привести суждения видного немецкого теолога и философа Альберта Швейцера, который еще в начале XX века, размышляя о важности постоянного поиска новых этических идей как предпосылке политического и экономического прогресса, подчеркивал, что «любая эпоха живет энергией, возникшей в ее мышлении об этике». В этике же мышление целиком зависит от самого человека, имеет дело с его саморазвитием, протекающим по законам внутренней причинности. И поскольку человек является для самого себя «обосновываемой и творимой действительностью», постольку и движение к новым этическим идеям и их понимание не может быть легким и быстрым. В отличие от научной деятельности, где человек наблюдает и описывает процесс действительности и стремится его обосновать, в этической деятельности «человек следует склонностям и законам, проявляющимся в нем самом». Обосновать эти склонности и законы и сформулировать их идеалы удастся далеко не всем. По мнению Швейцера, «слабость всех этических теорий — как религиозных, так и философских — в том, что они непосредственно и естественно не сталкиваются в индивиду с действительностью. Во многих отношениях они проходят мимо фактов. Они не подходят дифференцированно к переживаниям индивида и поэтому не оказывают на него постоянного воздействия. В результате появляются этическое бездумье и этическая фраза». Оживление же этического мышления с учетом действительности всегда стимулировало появление этических движений, которые помогали соответствующим поколениям с большей эффективностью решать свои задачи. Если та или иная эпоха не выдвигает мыслителей, способных заставить ее повернуться лицом к проблемам этики, то в итоге снижается нравственность данной эпохи, а заодно и ее способность решать возникающие проблемы. «Те, кто хоть в чем-то двигает вперед наше мышление об этике, содействуют приближению эры благополучия и мира на земле. Они тем самым занимаются высшей политикой и высшей политической экономией. И если даже они окажутся способными лишь оживить этическое мышление, то и в этом случае они сделают большое дело. Ибо любое размышление над проблемами этики имеет своим следствием рост этического сознания»⁵¹.

Эти слова в полной мере можно адресовать Смиту, который стал великим экономистом, поскольку был прежде всего великим моральным философом «от мира сего» (Р. Хайлбронер). Он «оживил» этическое мышление своей эпохи, понимал, что новая экономика может появиться, если изменится «этическое сознание» людей, их внутренний поведенческий принцип и моральные установки.

В связи со сказанным вряд ли можно считать бесспорным вывод некоторых авторов о том, что Смит, провозгласив доктрину «естественной свободы» и направляющей роли «невидимой руки», придал политической экономии «антиэтическую» направленность и тем самым заложил основы позитивизма в экономической науке. Действительно, на рубеже XIX—XX веков сентенции такого рода стали все чаще появляться в экономических сочинениях. «Экономика, — писал С. Джевонс, — основывается на законах человеческих удовольствий», поэтому экономист должен оставить в стороне высокие рассуждения о человеческих ценностях, не имеющих к нему никакого отношения. Его должен интересовать *низший* уровень человеческих чувств, из которых состоит наш материальный мир, полезность, которую получают люди, участвующие в экономической деятельности»⁵². Известный итальянский экономист и социолог В. Парето в начале XX века придерживался той же линии, требовал, чтобы политической экономии дали право изучать только «человека

⁵¹ Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. Ч. II. Гл. 3. С. 1—2,4.

⁵² Лаваль К. Человек экономический. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 166.

экономического» и не обращать внимания на «человека этического», точно так же как «геометрия не обращает внимание на химические и физические свойства тел». Тех же, кто обвинял экономистов в игнорировании вопросов морали, Парето сравнивал с людьми, готовыми обвинять даже «теорию игр в шахматы в том, что она не учитывает кулинарное искусство». Поскольку, по его мнению, политическая экономия — наука аналитическая, постольку этические вопросы не относятся к предмету ее исследования, это тема для тех, кто занимается претворением в жизнь ее выводов. «Политической экономии не следует обращать внимание на вопросы морали, — подчеркивал он, — а вот тот, кто дает советы по практическим мерам, должен учитывать не только возможные экономические последствия, но также нравственные, религиозные, политические и т. д.»⁵³

Нам представляется, что из подобного рода высказываний экономистов — как прошлого, так и современных — вряд ли стоит делать вывод об их несовместимости с этикой. Экономика действительно не признает запретов на свободу предпринимательской деятельности, самореализацию личности, выбор места работы и проживания, решения, куда поместить свой капитал, тем более она не совместима с монастырской аскезой и философией мироотрицания. У нее другая задача: мобилизовать человеческую энергию, способности, волю, разум и направить их по пути умножения богатства, создания условий для более обеспеченной и гармоничной жизни. Но это не отказ от этики, это — другая этика. Выше подчеркивалось, что основной вопрос этики — в поиске *этичного*, которое не может быть раз и навсегда данным, к чему надо приспособляться, а потребность в постоянном поиске лучших и более адекватных норм и правил поведения, в отрицании отживающих, пусть и общепринятых, традиций и политико-правовых систем. Смит и другие философы его эпохи «сорвали маску» со старой этики, показали, что она была *великим обманом*, так как, проповедуя высокие идеалы, не сделала людей более счастливыми и довольными жизнью. Как кто-то сказал, по аналогии с паровозом: это был всего лишь свисток, а не пар, который движет поезд. Этика не должна витать в облаках. Она становится *социальной* силой, если учитывает доводы разума, меняет человека, делает его мыслящей и творящей личностью, совершенствуя в результате всю систему общественных отношений.

Что касается истоков собственно «антиэтической» направленности экономической теории, превращения ее в «социальную инженерию», то они — не в открытых Смитом и его последователями экономических законах и в сформулированных этических требованиях к государственной политике, а в заимствовании экономистами-математиками метода исследования естественных наук, в обнаружении ими «сходства» рыночных взаимосвязей с процессами, имеющими место в физических системах. Именно это привело к известному упрощению и математической формализации экономического анализа, «за бортом» которого оказался живой человек и вся совокупность его реальных социальных связей, место которых заняло, по образному выражению Р. Хайлбронера, «общество отшельников»⁵⁴. В результате экономическая наука стала развиваться, по словам М. Алле, «в совершенно ошибочном направлении: в сторону создания искусственных и полностью оторванных от реальности математических моделей. В ней все более и более господствует математический формализм, который по самой своей сути представляет огромный шаг назад... Нередко забывают, что подлинный прогресс состоит

⁵³ Лаваль К. Указ. соч. С. 196.

⁵⁴ Хайлбронер Р. Указ. соч. С. 52.

не в чисто формальном изложении, а в открытии направляющих идей, лежащих в основе любой теории... задача, следовательно, состоит в том, чтобы никогда не отрывать теорию от ее применения»⁵⁵.

Таким образом, как только экономическая теория отрывается от своего предмета — *отношений между людьми* в процессе использования ими ограниченных ресурсов — и начинает заниматься «чисто инженерными задачами», — с этого момента она порывает не только с этикой, но и со своим призванием как *социальной науки*. Не будем забывать, что в XX веке славу экономической науке принесли не те экономисты, которые перевели ее на язык математики, а прежде всего Дж. М. Кейнс и институционалисты. Они действительно выдвинули принципиально новые «направляющие идеи», показали, что в новых социально-экономических условиях саморегулирующиеся рынки находятся под возрастающим воздействием таких институциональных образований, как государство, корпорации, право, профсоюзы, включив позже в этот перечень культурно-этические паттерны.

Дж. М. Кейнс с самого начала своей научной деятельности высказал сомнение в том, что политэкономия относится к классу позитивных наук и настаивал на этическом ее характере: «Экономика, — писал он, — это главным образом наука этики, а не естественная наука». В разгар Великой депрессии в своей монографии «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) он обосновал, в сущности, новую *этическую парадигму* развития капиталистической экономики: отказ от радикального либерализма, исповедовавшего принцип *laissez faire*, и переход к политике дискретного (циклического) вмешательства государства в ход экономического процесса посредством искусственного стимулирования совокупного спроса.

6. Современный капитализм и этика

Вывод Кейнса о сохранении связи экономики с этикой — еще одно напоминание нам о том, что главный вопрос этики — как поступить наилучшим образом? — всегда должен находиться в поле зрения как экономической науки, так и бизнеса и политиков. «Забвение» этой связи в конце XX века привело к серьезной аберрации в развитии капитализма, к его «патологической мутации»⁵⁶. Самым наглядным подтверждением этой аберрации служит «неожиданно» разразившийся в 2008—2010 годах глобальный финансово-экономический кризис. Начавшись в Америке, он вскоре распространился на все мировое хозяйство, в результате чего десятки миллионов человек по всему миру потеряли свои рабочие места (только в Китае таких оказалось 20 млн), еще десятки миллионов стали нищими и бездомными⁵⁷. Значительно больше людей испытали тяжелые психические чувства из-за опасений, что их может постигнуть та же судьба, и почти каждый, кто имел сбережения, увидел, что реальная их стоимость резко уменьшилась.

Это, разумеется, не тот путь развития, на который рассчитывало и возлагало свои надежды большинство людей. Современная экономика с ее безграничной верой в свободный саморегулируемый рынок и глобализацию обещала им процветание, все более полное удовлетворение разнообразных потребностей, но потерпела фиаско, которого не было со времен Великой депрессии.

⁵⁵ Алле М. Современная экономическая наука и факты. С. 14.

⁵⁶ Pfaff W. A Pathological Mutation in Capitalism // International Herald Tribune. 2002. September 9. P. 8.

⁵⁷ См.: Стиглиц Дж. Ю. Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо, 2011. С. 9, 399.

Как такое могло произойти? Почему система, ставшая образцом для большинства стран, начала сбиваться с того пути, который обеспечивал ей в прошлом небывалые исторические победы и неоспоримые преимущества? Если искать глубинную причину случившегося, то ее истоки в отрыве современного капитализма от своих традиционных корней. Произошла трансформация самих экономических основ буржуазного общества: *капитализм собственников* постепенно начал превращаться в *капитализм менеджеров*. В результате классическая капиталистическая система, предпринимательский капитализм, основанный на частной собственности, трудовой этике, справедливости и прозрачности в распределении дохода, превратился в корпоративный, спекулятивный по своей природе, капитализм — в «экономику обмана» (Дж. Гэлбрейт)⁵⁸. Возникла система, в которой разросшиеся корпорации стали инструментом извлечения прибыли из финансовых, биржевых операций с ценными бумагами. Менеджеры корпораций цель своей деятельности начали видеть не столько в увеличении производства и улучшении качества выпускаемой продукции, поиске жизнеустойчивой корпоративной этики, сколько в росте бумажной стоимости своих активов, рыночной капитализации компаний. Неудивительно, что львиная доля этих «фиктивных» прибылей присваивается не собственниками корпораций, утратившими контроль над их деятельностью в результате диффузии корпоративной собственности, а их руководителями, финансовыми посредниками, бухгалтерами и юристами.

В результате произошел «тектонический сдвиг» во всей системе ценностей современного общества. «Эпоха капитализма менеджеров, — пишет легендарный инвестор и основатель индексного паевого фонда *Vanguard* Джон К. Богл, — оказала пагубное воздействие на наши представления о честности и справедливости в американском обществе и стала одной из главных причин увеличения пропасти между богатыми и бедными американцами, между имущими и неимущими». По его данным, если в середине 1970-х годов 1% самых богатых американцев владели примерно 18% финансового богатства США, то к концу XX века их доля увеличилась до 40%. Богл предупреждает, что такая концентрация богатства в руках немногих не только морально неприемлема, но и угрожает стабильности капиталистической системы: «общество, которое терпит такие различия доходов и богатства, в долгосрочной перспективе обречено»⁵⁹. Угроза в том, что в атмосфере «погони за деньгами» все большее и большее число людей исподволь включаются в «биржевую игру», начинают исповедовать философию финансовых дельцов, в обществе нормой становится потребительское отношение к жизни, «фланерство». Как сказал главный раввин Великобритании Джонатан Сакс, слова которого приводит Богл, «когда все, что имеет значение и важность, продается и покупается, когда люди могут нарушать обязательства потому, что они им более не выгодны, когда шоппинг становится спасением, а рекламные слоганы — молитвой, когда человеческое достоинство измеряется доходами и расходами людей, рынок разрушает те самые добродетели, от которых он в долгосрочной перспективе зависит»⁶⁰.

Справедливость этих слов вряд ли кто-нибудь станет оспаривать, однако, думается, что возлагать вину на рынок не вполне продуктивно — не он «разрушает добродетели». Успехи или неудачи в развитии рыночного общества

⁵⁸ Гэлбрейт Дж.К. Экономика невинного обмана. М.: Европа, 2004.

⁵⁹ Богл Д.К. Битва за душу капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. С. 44.

⁶⁰ Там же. С. 39.

находятся «по ту сторону» спроса и предложения. В основе проблемы, как представляется, лежит наблюдавшееся на протяжении последних десятилетий нежелание идеологов капитализма, в том числе экономистов, подвергать капиталистическую систему серьезному социальному анализу, «морально-этической диагностике». По сравнению с тем, что сделали в этом направлении экономисты прошлого — А. Смит, Дж. Ст. Милль, К. Маркс, Т. Веблен, А. Маршалл, Дж. М. Кейнс, Й. Шумпетер, — вклад современной экономической теории в расширение наших знаний о социально-экономических процессах, протекающих в недрах капитализма, крайне узок и беден. И это свидетельствует о ее глубоком идейно-историческом кризисе. Согласимся с Хайлбронером: «Если судить о современной экономической теории по ее философскому и историческому содержанию, мы будем вынуждены определить ее место в надири, а не в зените ее истории»⁶¹.

Экономическая наука несет немалую моральную ответственность за происходящее перед обществом, бизнесом, теми, кто формулировал и воплощал в жизнь пусть и новые, но по-прежнему, как писал еще Кейнс, «голые постулаты экономической теории, которые сами по себе мало что стоят...»⁶². Одна из основных ее задач — эвристическая функция, поиск парадигм, способных обеспечивать жизнеспособность и устойчивость рыночной системы, поддерживать в обществе такой моральный порядок и кодекс поведения, которые укрепляли бы, а не разрушали то, что называется человеческим и социальным капиталом. Такой порядок должен включать честность, справедливость, уважение к контрактам, чужой собственности, желание помочь тем, кто оказался в трудном положении. Помимо индивидуальных, требуется выработка и новых *общественных* ценностей, которые могли бы стать новым этическим стандартом современного этапа развития капиталистического общества. Имеется в виду, в частности, переосмысление целей деятельности предпринимательских фирм, коммерческих банков, финансовых институтов, стремящихся к оптимизации своих краткосрочных финансовых результатов и не замечающих важнейших нужд работников, потребителей и той внешней среды, от которой зависит их собственное благополучие на годы вперед.

Озабоченность состоянием дел в экономической науке и экспертном экономическом сообществе демонстрирует и известный американский экономист Дж. Стиглиц в публикуемой в журнале статье. Он анализирует эти проблемы главным образом в связи с доминирующими в последние годы тенденциями в развитии международных экономических отношений, в частности с растущей пропастью между богатыми и бедными странами. Показывает, что развернувшаяся глобализация, которая с точки зрения теории должна исправлять сложившийся международный экономический и социальный порядок, напротив, демонстрирует нарушение базовых этических требований честности и справедливости в отношениях между странами и регионами. Примечательно, что центральная идея, пронизывающая как статью, так и только что вышедшую на русском языке его большую книгу⁶³, — этические аспекты в развитии современной экономической теории. И хотя многие положения и выводы статьи носят весьма общий характер и могут показаться общеизвестными, их ценность в том, что автор как непосредствен-

⁶¹ Хайлбронер Р. Указ. соч. С. 53.

⁶² Кейнс Дж. М. Альфред Маршалл, 1842—1924 // Маршалл А. Основы экономической науки. М.: Прогресс, 2008. С. 30.

⁶³ Стиглиц Дж. Е. Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса.

ный участник многих описываемых событий рассказывает о них искренне и предельно откровенно. Речь идет в том числе и о мистификациях, к которым нередко прибегают в своей деятельности международные советники по экономическим и финансовым вопросам. Об этом неприятно узнавать, поскольку представляется, что те, кто дает советы, всегда должны помнить свою «клятву Гиппократ» — следовать моральным обязательствам не только «не навредить», но непременно помочь, обеспечить правдивость и доступность сведений, на основании которых могут приниматься политические решения, имеющие судьбоносное значение для бедных и стремящихся вырваться из отсталости стран. Однако моральный императив честности, открытости и порядочности, судя по словам автора, далеко не всегда является руководящим принципом в деятельности международных финансовых учреждений. Мы узнаем, что нередко вместо того, чтобы предлагать странам самим принимать решения и брать на себя ответственность за выбор тех или иных альтернатив, советники продвигают свои «болезненные» меры, забывая о том, что бремя их реализации ляжет главным образом на плечи простых людей.

К сожалению, в статье нет глубокого научного анализа тех проблем, которые в ней поднимаются. В целом она носит, скорее, описательный характер, и в результате складывается ощущение, что автор выступает своего рода адвокатом бедных стран, поскольку осуждает практически все требования к ним со стороны развитых государств и международных организаций в части снижения бюджетных дефицитов, прозрачности использования предоставленных зарубежных кредитов, возврата долгов и т. п. При этом совершенно ничего не говорится о том, почему бедность во многих регионах мира увеличивается, что необходимо предпринять для радикального изменения ситуации к лучшему, как вывести отсталые страны на дорогу развития и процветания. Разумеется, преодолеть отсталость и бедность без финансовой, технической и интеллектуальной помощи развитых стран не удастся. Но это только часть задачи. Гораздо труднее — найти способы преодоления тех культурных барьеров, которые являются самой большой преградой на пути их развития. Иерархическая система построения общества, авторитарность власти, персонализация политико-правовых отношений, низкая трудовая мораль, патернализм, социальная жесткость — вот далеко не полный перечень традиционных «ценностей», которые держат в тисках бедности миллионы людей. Об этом нелишне напомнить, поскольку всевозможная полувековая помощь отсталым странам, направленная на структурные реформы, повышение технического уровня производства, образовательного уровня населения, улучшение здравоохранения и т. д., не принесла в большинстве случаев желаемых результатов. И лишь там, где стали внедряться продуктивные ценности и проводиться серьезные институциональные реформы (Турция, Восточная Азия, Испания), произошли радикальные изменения и в благосостоянии людей.

Этот вывод в полной мере относится и к России. Стиглиц дает весьма жесткую, но, к сожалению, в основном несправедливую оценку российским преобразованиям начала 1990-х годов. В этой оценке нет ничего нового, он всего лишь повторяет хорошо известные идеологические мифы, созданные в консервативных кругах нашей интеллигенции и властвующей элиты с целью дискредитации всего того, что на самом деле было спасительным для российской экономики и общества в тот период. «Катастрофа», которой он именует переход к рыночному хозяйству в России, произошла на самом деле до начала реформ. Когда Е. Гайдар и его команда в конце 1991 года пришли к руководству экономикой страны, разваливать уже было нечего — экономика находилась в коме. У государства не оказалось средств для финанси-

рования милитаризованной промышленности еще в конце 1980-х годов. Не было ресурсов и для продовольственного снабжения населения, полностью исчерпались валютные резервы страны, дефицит бюджета превышал 30% ВВП и почти полностью покрывался денежной эмиссией, что лишь усиливало скрытую инфляцию, проявлявшуюся в жесточайшем дефиците товаров. Либерализация экономических отношений лишь вскрыла все эти «язвы» советского прошлого. Но именно благодаря проведенным реформам удалось приостановить окончательный распад социальной жизни и создать условия для постепенного преодоления унаследованных проблем. Об этом уже много сказано и написано, нет нужды повторяться⁶⁴.

Но вот о чем все-таки хочется сказать. Стиглиц пишет, что разразившаяся в России гиперинфляция в ходе реформ стала «нарушением общественного договора», подорвала доверие основной массы населения к проводимым преобразованиям и, как следствие, «способствовала эрозии жалких остатков социального капитала, унаследованного от коммунистического правления». Это справедливо лишь отчасти. Во-первых, ни одной стране с административной экономикой не удалось перейти к рынку без высокой инфляции. Это в принципе невозможно, что блестяще показал еще венгерский экономист Я. Корнай в своей классической работе «Экономика дефицита»⁶⁵. Соблюдать же тот «ценовой договор», который сложился в плановой экономике, означало бы полностью отказаться от любых рыночных реформ. Не будем забывать, что рынок — это такая экономическая система, которая управляется гибкими «ценовыми сигналами», и центральная задача преобразований сводится как раз к высвобождению этих сигналов.

Приводимый автором пример Китая, избежавшего гиперинфляции, не показателен, поскольку рыночная трансформация экономики с преобладанием мелкотоварного производства, сельского населения и практически даровой рабочей силой — это одно, и совсем другое — переход к рынку высокоиндустриальной экономики с практически 100-процентной государственной собственностью. Когда в Китае начались реформы, он представлял собой по большей части сельскохозяйственную страну: в сельской местности проживало около 80% его населения, а 70% были крестьянами. В городах трудилось лишь 20% населения. В СССР же в городах проживало 60% населения, а в сельской местности — лишь около 40%⁶⁶. К тому же основу сельского хозяйства составляли не коммуны, как в Китае, а колхозы и совхозы, то есть практически государственные предприятия, жизнеспособность и заработки которых гарантировались государством. Китайские же коммуны никогда не субсидировались бюджетом, а наоборот, облагались налогами. И к началу китайских реформ они практически «самораспустились» вследствие того вакуума власти, который возник в стране после смерти Мао. На их месте возникли хозяйства крестьян-единоличников с системой достаточно высокой долей *семейной ответственности*. Это была, как пишет известный либеральный экономист Джеффри Сакс, «шоковая терапия в полном смысле слова»: около 700 млн крестьян неожиданно получили в свое распоряжение земельные участки, ранее принадлежавшие коммунам⁶⁷. Новая система в сочетании с унаследованными ценностями «рисовой культуры» создала колоссальные

⁶⁴ См., в частности, статьи В. Мау, А. Аганбегяна, А. Нечаева, С. Дубинина в журнале «Экономическая политика» (2010, № 6).

⁶⁵ Корнай Я. Экономика дефицита. М.: Экономика, 1990.

⁶⁶ Сакс Дж. Д. Конец бедности. Экономические возможности нашего времени. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. С. 186, 187.

⁶⁷ Сакс Дж. Д. Указ. соч. С. 188.

стимулы к упорному труду, тщательному уходу за землей и сбору высоких урожаев. Ничего похожего в Советском Союзе не существовало. Крупные механизированные сельскохозяйственные предприятия мало чем отличались от советских промышленных гигантов.

Не прав Стиглиц и в том, что касается отсутствия в России общественного доверия к реформам. Напротив, в обществе сложилась широкая коалиция в пользу проведения радикальных экономических и социальных преобразований, поскольку надежд на старую систему у подавляющего большинства людей не осталось. Но драма в том, что общество оказалось не готово к движению вперед, к широким демократическим переменам. В отличие от Китая и стран Восточной Европы в бывших советских республиках за десятилетия господства тоталитарной системы произошла, как пишет академик РАН Ю. Пивоваров, «антропологическая катастрофа»⁶⁸, которая не только помешала успешно завершить начатые в 1990-е годы реформы, но и препятствует трезвой оценке нашего состояния и по сей день.

Общество, привыкшее к патернализму, воспитанное в духе самолюбования и имперского величия, ожидало быстрых результатов от реформ, но их не могло быть по определению. В экономике чудес не бывает, кроме случаев, когда все общество, и в первую очередь правящая элита, не боится перемен, разделяет передовые нравственные ценности эпохи, стремится строить в соответствии с их требованиями свою повседневную жизнь. А это значит, что если мы хотим решить стоящие перед нами задачи, модернизировать общество, то нам предстоит войти в другое ментальное пространство, снять с себя вековые культурные оковы, понять, что без упорного и творческого труда, без бережливости, деловитости, аккуратности в любом начинании невозможно вырваться из серой реальности, преодолеть отсталость и бедность. Достойная и обеспеченная жизнь, к достижению которой мы стремимся, заключена не в запасах нефти и газа, не в количестве населения, и даже не в машинах и технологиях, а в человеческом духе, и особенно — в способности людей думать и творить. Наполеон говорил: воюют меч и дух, но в конечном счете побеждает не меч, а дух. Такая же «диалектика» работает и в экономике. Забывать об этом — значит снова обречь себя на движение в тупик и в результате отстать навсегда, повторив судьбу Египта, Южной Родезии (Зимбабве), Аргентины и ряда других стран Латинской Америки, которые в разное время считались миром неограниченных возможностей, но так и не реализовали свой потенциал и теперь обманывают ожидания своих народов. Мы не имеем права на такой обман.

⁶⁸ Независимая газета. 2007. 9 ноября.